

«МЕСТО ПАМЯТИ» В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КООРДИНАТ: СЛУЧАЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Анна Карпенко

ANOTACIJA

Straipsnyje analizuojami regioninės tapatybės kolektyvinės atminties (kaip jos svarbios dimensijos) institucionalizavimo mechanizmai, vertinamos diskursyvinės strategijos, kurias naudoja įvairūs politiniai veikėjai. Autorė atskleidžia pagrindinius sovietinio laikotarpio regioninės tapatybės diskurso elementus ir nagrinėja kolektyvinės atminties bei istorinės sąmonės praktikas 1945–1990 m. Straipsnyje parodomi sovietinio laikotarpio istorijos politikos sąryšiai su dabartiniais politiniais procesais.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: regioninė tapatybė, kolektyvinė atmintis, regionalizacija, Rytų Prūsija, Kaliningrado sritis, Kenigsbergas.

ABSTRACT

The article analyzes the mechanisms of institutionalization of the collective memory of regional identity, as its significant dimension, and assesses discursive strategies used by different politicians. The author discloses the principal elements of the regional identity in the Soviet period and analyzes the practices of collective memory and historical consciousness in the period of 1945 to 1990. The relationship of the history policies of the Soviet period and the contemporary political processes is demonstrated.

KEY WORDS: regional identity, collective memory, regionalization, East Prussia, Kaliningrad Region, Königsberg.

Анна Карпенко, Кандидат политических наук
независимый социальный исследователь
г. Калининград
E-mail: a_karpenko@yahoo.com

Введение

Системы разделяемых и оспариваемых смыслов и переживаний, связанных с жизнью в определенном пространстве, становятся предметом как публичной, так и академической дискуссии в России и Европе. Идентификация с территорией становится инструментом социально-политической мобилизации, и осознание важности этого политического ресурса происходит в последние годы весьма активно. Региональная идентичность рассматривается в качестве своего рода «точки сборки» в процессе конструирования социально-политического пространства региона. Она задает рамки социально-политического действия разноуровневых акторов.

В 1990-е гг. в России наблюдалась волна регионализации, которая происходила стихийным образом и носила выраженный «этнический» характер, в силу особенностей предшествовавшей советской политики, проводившей дифференциацию крупнейших администра-

* Автор благодарит программу академического обмена Triple I: Erasmus Mundus External Cooperation Window, которая сделала возможной научную стажировку в университете Гумбольдта (Институт европейской этнологии) в 2009–2010 гг. и написание данной статьи.

тивно-территориальных образований по этническому признаку. С начала 2000-х гг. субъекты федерации стали объектом политики централизации со стороны федеральных властей. Вместе с тем, в России наблюдается и регионализация «нового типа». Она происходит не столько на традиционной политико-административной, сколько на культурно-экономической основе. В этой связи особый исследовательский интерес представляют процессы в регионах, где достаточно выражены как внешние (экономические, международно-политические, учитывающие расширенное понимание безопасности), так и внутренние (культурные, но не сугубо этнокультурные) факторы «новой» региональной мобилизации. Приграничные территории относятся именно к такому типу регионов.

Калининградская область в этой связи является абсолютно релевантным *полем исследования*. В 1991 г. административно-территориальная единица с населением около 900 тысяч человек перестала быть частью единого советского пространства, а в 2004 г. превратилась в российский анклав внутри ЕС. Официальный дискурс ЕС не является единственной репрезентацией Европы во внешнеполитической среде Калининграда. Калининград включается в проекты «регионостроительства» на Балтике и в Северной Европе, которые, по мнению ряда экспертов, оспаривают попытки Брюсселя, своего рода «мягкого имперского центра», поддерживать достаточно централизованную и иерархизированную версию «крепости Европа». Политические проекты «измерений» и «инициатив» являют пример подхода конструирования региона «снизу вверх». Внешнеполитические измерения «калининградской проблемы» достаточно активно разрабатывались политической наукой. Не обделены вниманием и экономические аспекты жизнедеятельности региона. Вместе с тем, остается открытым целый ряд вопросов, касающихся политического измерения региональной идентичности. Какую роль в успешном осуществлении проекта «нового региона» играет идентификация жителей с пространством обитания? Где находятся границы конструирования региональной идентичности?

Для ответа на эти вопросы стоит обратиться к советской и постсоветской истории Калининграда. Область была образована в результате передачи СССР в 1945 г. части территории Восточной Пруссии. Крайне важным для «советского проекта» освоения трофейного пространства было конструирование коллективной памяти новых жителей региона, советских переселенцев. Центральным элементом официального дискурса являлось отношение ко Второй мировой войне как к точке отсчета истории региона, при соответствующем забвении или целенаправленном разрушении довоенного немецкого прошлого. Насколько удался этот проект? Исследования историков показывают, что отношения новых жителей области с регионом не были ограничены лекалами идеологической интерпретации. Практики жизни в контексте «чужой культуры», в первую очередь материальной, ограничивали суггестивность официального дискурса.

Таким образом, Калининград представляется релевантным случаем для анализа эффективности символических «стратегий идентичности» как на внутреннем, так и внешнем политическом уровнях. Обращение к этому российскому региону поможет проследить механизм влияния важнейшего ресурса современной политики.

Предметом исследования являются дискурсы региональной идентичности и практики, в которых она актуализируется в политическом процессе. В качестве практической категории, региональная идентичность используется политическими акторами с целью убедить людей понять свои интересы и затруднения посредством идентификации с региональной общностью, с тем, чтобы организовать и легитимировать коллективное действие. Обращение к

региональной идентичности наблюдается в повседневных практиках, когда она выступает в качестве когнитивной рамки, придающей смысл себе, своей деятельности, тому, в чем обитатели определенного региона сходны друг с другом и чем отличаются от других.

Историография проблемы. Социокультурные аспекты «калининградской проблемы» интересовали историков, культурологов, социологов и политологов как в России, так и на Западе. Необходимо отметить исследования регионального «исторического сознания» российского историка Ю.В.Костяшова, под чьим руководством был осуществлен проект по сбору воспоминаний первых советских переселенцев¹. В целом ряде работ немецких ученых преодолеваются крайности взглядов на Калининград как место без прошлого, характерного для советских идеологов, или как место без настоящего и будущего, превалировавшего в послевоенной Западной Германии². «Пионером», открывшим не только административно-управленческие и экономические, но и политико-культурные реалии советского Калининграда Западу еще в конце 1970-х гг., стал П. Вёрстер³. К вопросам «регионального самосознания» калининградцев неоднократно обращался Э. Маттес⁴. Недавние работы представителей молодого поколения немецких историков Б. Хоппе и П. Бродерзена успешно реконструируют сложный контекст дифференцированной социально-политической жизни советской области периода 1945-1971 гг.⁵. Сравнительно малоизученным остается период 1970-1980-х гг. Среди исследований региональной идентичности Калининграда в 1990-2000-е гг. наиболее близкими нам по оптике взгляда на проблему являются работы О. Сезневой⁶, К. Браунинга и П. Йонниemi⁷. Международным измерением участия Калининграда в регионализме «нового

¹ *Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах.* КОСТЯШОВ, Ю.В. (ред.). СПб., 2002. В Германии этот проект был представлен в издании: MATTHES, E. (Hrsg.) *Als Russe in Ostpreussen. Sowjetische Umsiedler über ihren Neubeginn in Königsberg / Kaliningrad nach 1945.* Ostfildern, 1999 (2. Aufl.: Bietingheim-Bissingen, 2002). См. также: КОСТЯШОВ, Ю. Изгнание прусского духа. Как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы. In Ю. КОСТЯШОВ, Э. МАТТЕС. *Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание.* Калининград, 2003, с. 7–80; KOSTJASCHOW, J. Am Schnittpunkt dreier Welten. Ospreußen: Zankapfel der Völker. In *Als die Deutschen weg waren.* 2.Aufl. Rowolt Taschenbuch Verlag, 2007, S. 283–309.

² См. МАТТЕС, Э. Проблема образования Калининградской области в немецкой историографии: обзор. In *Балтийский регион в международных отношениях в новое и новейшее время: материалы международной научной конференции, 10–11 октября 2003 г., Калининград.* Ред. В. В. СЕРГЕЕВ. Калининград, 2004, с.195–206.

³ WÖRSTER, P. Das Nördliche Ostpreußen nach 1945 – Verwaltung, Bevölkerung, Wirtschaft. *Dokumentation Ostmitteleuropa*, 1978, Vol.4, h.1; WÖRSTER, P. Das Nördliche Ostpreußen nach 1945 – Politisches und kulturelles Leben. *Dokumentation Ostmitteleuropa*, 1979, Vol.5, h.1/2.

⁴ MATTHES, E. *Verbotene Erinnerung: Die Wiederentdeckung der ostpreußischen Geschichte und regionales Bewußtsein der russischen Bevölkerung im Gebiet Kaliningrad 1945–2001.* Bietingheim-Bissingen, 2002; МАТТЕС, Э. Запрещенное воспоминание: Возвращение истории Восточной Пруссии и региональное сознание жителей Калининградской области (1945-2001). In Ю. КОСТЯШОВ, Э. МАТТЕС. *Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание.* Калининград, 2003, с. 81–150.

⁵ HOPPE, B. *Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946–1970.* (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte; Bd.80). München, 2000. BRODERSEN, P. *Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde.* Göttingen, 2008.

⁶ SEZNEVA, O. ‘We have never been German’: The Economy of Digging in Russian Kaliningrad. In *Practising Culture.* Eds. C. CALHOUN, R. SENNET. London, New York, 2006; SEZNEVA, O. The dual history: politics of the past in Kaliningrad, former Koenigsberg. In *Composing urban histories and the construction of civic identities.* Eds. J. CZAPLICKA and B. RUBLE. John Hopkins University Press and Woodrow Wilson Center Press, 2003.

⁷ BROWNING, C.S., JOENNIEMI, P. The Identity of Kaliningrad: Russian, European or a Third Space? In *The Baltic Sea Region in the European Union: Reflections on Identity, Soft-Security and Marginality.* Ed. F. TASSINARI. Berlin, 2003; BROWNING, C.S., JOENNIEMI, P. Contending Discourses on Marginality: The Case of Kaliningrad. *Geopolitics.* 2004, Vol. 9, No. 3, p. 699-730.

типа» занимались А. Макарычев и А. Сергунин⁸. Вместе с тем, тема региональной идентичности требует дальнейшей разработки, одну из попыток которой и представляет настоящая работа.

Теоретико-методологические основы исследования. В социальные науки категория «идентичность» вошла во многом благодаря феноменологии, символическому интеракционизму и социальному конструктивизму. Как практическая категория, «идентичность», с одной стороны, может быть использована индивидами для выделения себя, подчеркивания своего отличия от других. С другой стороны, акторы, наделенные символической властью, могут обращаться к «идентичности» как средству групповой мобилизации для достижения политических целей. Дискурс «идентичности» является важным элементом политической борьбы. Согласно П. Бурдье, способность осуществлять эффективную символическую деятельность является исключительным по своим возможностям ресурсом политики. С помощью знаков политика производит социальное и конструирует группы. С помощью символов политика производит таксономию социального пространства⁹.

Брубейкер и Купер подчеркивают важность различения двух разных ипостасей концепта «идентичность» – как категории практики и как категории научного анализа¹⁰. Если воспринимать «идентичность» в качестве практической категории, то ситуации, в которых она употребляется, реально наблюдаемые феномены (например, риторика политических деятелей, программы политических партий, образы СМИ), становятся вполне доступными и легитимными для научного исследования. Совсем другое дело, когда сама «идентичность» становится центральной категорией научного анализа. В этом случае практическая категория, продукт социальных отношений, превращается в вещь, т.е. реифицируется¹¹. Исследователь начинает относиться к «идентичности» как к данности, совокупности имманентно присущих некоторой группе характеристик, которые можно «открыть», «описать», «определить», «классифицировать», «исследовать». Результатом реифицирования идентичности становится представление, что любой человек и социальная группа «имеют идентичность», даже если сами этого не признают. «Идентичность» всегда существует, независимо от нашего знания о ней, и ждет подходящего случая для того, чтобы проявиться. Обратная сторона такой позиции – возможность отказа группе в «наличии» у нее определенной идентичности.

Стоит отметить, что отношение к идентичности как к некому неизменному свойству, данному человеку самим фактом его социализации в рамках той или иной культуры или, того определеннее, генетически, стало уже делом прошлого, по крайней мере, в западной научной среде. В последние годы общим местом стало описание идентичности в терминах «множественной», «гибридной», «текущей», «конструируемой». Реверанс в сторону множества идентичностей и/или «множества лояльностей» не должен вводить в заблуждение: продолжая употреблять этот термин в качестве центральной категории научного анализа,

⁸ MAKARYCHEV, A.S. Contours of Regional Identity: Testing Constructivism on Kaliningrad's Ground. *The Journal of Eurasian Research*. 2003, Vol 2, No.1; МАКАРЫЧЕВ, А. С. «Мягкий» и «жесткий» регионализм: калининградские контуры. In *Космополис*, 2002/2003, №2.; СЕРГУНИН, А. Регионализация в регионе Балтийского моря: восприятие российских элит. In *Региональное измерение российско-балтийских отношений*. Под ред. Л. КАРАБЕШКИНА. СПб, 2004.

⁹ БУРДЬЕ, П. Социальное пространство и генезис «классов». In БУРДЬЕ, П. *Социология политики*. Москва, 1993, с. 90–91.

¹⁰ BRUBAKER, R., COOPER, F. Beyond Identity. *Theory and Society*, 2000, Vol. 29, No. 1.

¹¹ МАЛАХОВ, В. Проблема идентичности в постсоветском контексте [1998]. In МАЛАХОВ, В. *Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме*. Москва, 2007, с. 17.

исследователи, по сути, остаются на эссенциалистской платформе. Более того, если «идентичность» множественна и текуча, то какую функцию она призвана исполнять, отказываясь от своих «отличающих», «выделяющих» целей, становясь фактически неуловимой? Какой смысл остается в использовании этого понятия? Именно поэтому Брубэйкер и Купер предлагают отказаться от употребления вводящей в заблуждение концепции «идентичности» в социальном анализе¹².

Наиболее продуктивным подходом для достижения поставленной цели исследования, на наш взгляд, является *методологическая рамка социального конструктивизма*. Это, прежде всего, работы П. Бергера и Т. Лукмана, Ф. Барта, П. Бурдые, Б. Андерсона, Р. Брубейкера¹³.

Для наших целей важно понять взаимодействие дискурса и практик, правил, процедур. Последние определяют, ограничивают и сдерживают применимость дискурса. Дискурс определяет практики, но и практики влияют на дискурс. Социальная жизнь фундаментально текстуальна. В терминологии М. Роуза, «текст» становится значимым посредством его «воплощения» (*enactment*), которое определяется как «материальные акты и жесты, которые делают тексты распознаваемыми чертами социальной жизни»¹⁴. В работе мы рассматриваем дискурсы и практики как взаимно конституирующие аспекты места и идентичности.

Научная новизна исследования заключается в переносе внимания с выяснения эссенциализирующих характеристик региона и региональной общности на анализ процесса, в котором происходит актуализация этой категории. Иными словами, речь идет о переносе внимания с региона на регионализацию, с идентичности – на идентификацию. Это дает возможность реконструировать социально-политический контекст регионализации и понять важность социокультурного измерения современной политической жизни. В исследовании анализируются механизмы институционализации региональной идентичности и коллективной памяти как одного из важных ее измерений, а также оцениваются дискурсивные стратегии, используемые различными политическими акторам.

Послевоенный период (1945–1990 гг.): официальный дискурс «изгнания прусского духа»

После победы во Второй мировой войне, по итогам Потсдамской конференции 1945 г., СССР была передана часть Восточной Пруссии – Кёнигсберг с прилегающими территориями. Массовое переселение советских граждан в регион началось в 1946 г. Присутствие немецкого населения на территории закончилось к 1951 г. в результате а) эвакуации перед наступлением советских войск до конца 1944 г.; б) стихийного бегства во время атак Красной армии в период с конца 1944 г. до апреля 1945 г.; в) депортации в Германию, главным образом в 1947–48 гг., вплоть до 1951 г.¹⁵. Перед новыми властями стояла цель установления на этой территории нового политического порядка. Соглашения международного пра-

¹² BRUBAKER, R., COOPER, F. Op. cit., p. 1–9.

¹³ См. АНДЕРСОН, Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва, 2000; БЕРГЕР, П., ЛУКМАН, Т. *Социальное конструирование реальности*. Москва, 1995; БУРДЬЕ, П. *Социология политики*. Москва, 1993; *Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий*. Ред. Ф. БАРТ. Москва, 2006; BRUBAKER, R. *Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge, 1996.

¹⁴ ROSE, M. The seductions of resistance: power, politics, and a performative style of systems. *Environment and Planning, D: Society and Space*, 2002, Vol. 20 (4), p. 391.

¹⁵ MATTHES, E. Späte Opfer. Zur Aussiedlung der Deutschen aus dem Gebiet Kaliningrad 1947–1948. *Deutschland Archiv*, 2007, Vol. 40, H. 5, S. 840–847; KOSSERT, A. *Kalte Heimat. Die Geschichte der deutschen Vertriebenen nach 1945*. 3. Aufl. München, 2008, s. 27–42.

ва, подписанные в Потсдаме, были необходимой, но не единственно достаточной основой легитимности принадлежности Советскому Союзу бывшей германской территории. Наряду с организацией коммунистического партийного и экономического строительства, властям было необходимо как можно скорее «натурализовать» принадлежность региона СССР, укоренить восприятие Калининграда в массовом сознании как неотъемлемой части советского пространства. Важнейшим инструментом в решении этой задачи была идеология. Как показывают исследования историков, в первые послевоенные годы была сформирована весьма сложная пропагандистская структура, в которую входили институты кружков политической учебы, политических школ, политинформаций, лекций по месту работы и отдыха, радио-программ, обязательной подписки на ряд партийных изданий, наглядной агитации¹⁶.

Новый порядок и новая власть должны были предстать извечными, постоянными и необходимыми. Для этого требовалось «укоренить» их в истории. Публичная апелляция к «корням», «традиционности», столь выручающая элиты в целях решения политических задач легитимации политических проектов и мобилизации общества в эпохи перемен и потрясений, в случае новой области была явно проблематична, поскольку исторические связи России с Восточной Пруссией были весьма ограничены. Идеологической основой механизма массового признания области истинно советской на глубоком эмоциональном уровне стала сакрализация жертв, принесенных СССР за победу в этой войне. В исторической массовой памяти пролитая на этой земле кровь тысяч советских воинов узаконивала справедливость права СССР на восточно-пруссский трофей.

Восприятие Кёнигсберга и Восточной Пруссии было задано еще во время войны. Эта территория была первой германской землей, в которую вступила Красная Армия, и потому концентрация ненависти к врагу была тут чрезвычайно высокой. Ю.Костяшов справедливо отмечает «что родившиеся в условиях тяжелейшего военного столкновения установки и стереотипы сохранили свою силу и тогда, когда война окончилась и отпала необходимость в воспитании чувства ненависти и беспощадности к смертельному врагу. Более того, в последующие годы эти установки развивались и расцветались новыми красками <...>»¹⁷.

Сформировавшийся тогда дискурс «Пруссия – гнездо милитаризма» призван был ограждать переселенцев от контактов с «чуждой советскому человеку» «буржуазной» материальной культурой, а также подготовить людей к будущему социалистическому строительству на новой, очищенной от руин прошлого территории.

Тем не менее, делать вид, что собственно немецкая история региона отсутствует, было затруднительно. Переселенцы жили в окружении материальных остатков культурной среды и проявляли интерес «к положению в бывшей Восточной Пруссии». Потому был разработан «краткий курс» истории Восточной Пруссии. Этот курс воспроизводился и тиражировался в течение десятилетий с помощью институтов образования, культуры и идеологии. Исходным моментом был захват миролюбивых пруссов тевтонскими рыцарями, далее затрагивались темы конфликтов русских с потомками тевтонского ордена. События Семилетней войны 1757–1763 гг. конструировались как предтеча войны только что завершившейся и были призваны восстановить непрерывность, преемственность русской и советской истории. Упо-

¹⁶ KOSTJASZOW, J. Propaganda ideologiczna w okresie późnego stalinizmu. In *Echa przeszłości*. T. IV, Olsztyn, 2003. s. 182-185.

¹⁷ КОСТЯШОВ, Ю. *Изгнание прусского духа...*, с. 12.

минался период наполеоновских войн и Первой мировой. Завершался нарратив фразами о «торжестве исторической справедливости в сталинскую эпоху»¹⁸.

Суггестивность официального дискурса подтверждают свидетельства переселенцев. Приведем отрывок из воспоминаний А. Глухова: «До сорок восьмого года, мне кажется, почти у всех было стремление больше уничтожить чужого, ненавистного, немецкого. На политзатяжках нам говорили, что это земля прусского милитаризма, а потом стали учить о том, что давным-давно это были русские земли, а их у нас отобрали; что губернатором Пруссии был отец знаменитого полководца Василий Суворов». Еще одна свидетельница рассказывает: «Я была на одном митинге уже через год или два после переезда. Один офицер читал доклад об истории Калининграда и сказал, что это была Русская земля. Очень проникновенно рассказал всю историю, вспомнил Петра, Екатерину. И получалось, что это – Русская земля»¹⁹.

Важным институтом, формировавшим коллективное прошлое, были списки исторических памятников. Вплоть до середины 1950-х к таковым относились лишь захоронения советских солдат (за исключением единственного памятника «старого» времени, признанного мемориальным – могилы Канта). Уже в сентябре 1945 г. в Кёнигсберге был открыт первый в стране мемориал павшим, 1200 гвардейцам 11-й армии. Названия, связанные с победой или с именами полководцев или выдающихся военных деятелей, были закреплены в топонимике: новые имена получили все населенные пункты (Инстербург стал Черняховском, Гумбиннен – Гусевом, Тапиау – Гвардейском, Тильзит – Советском и т.д.). Большая часть экскурсионных маршрутов по Калининграду и области посвящалась событиям войны: подробно освещались все детали Восточно-Прусской операции, в оборонительных фортах были развернуты выставки советской военной техники, определенное внимание уделялось и деятельности разведгрупп. Война играла огромную роль в социализации молодежи, определение «военно-патриотическое» стало составной частью понятия «воспитание»: в каждой школе обязательно существовал музей боевой славы советских воинов, регулярно проводились уроки мужества, встречи с ветеранами, вахты у Вечного огня.

Характерно, что в школьных курсах краеведения и географии к началу 1980-х преобладали следующие основные темы: историческая, которая ограничивалась описанной военной перспективой и послевоенным эпосом (вос)становления промышленности и сельского хозяйства области с гимном «трудовым достижениям калининградцев», и природоведческая, в которой подробно описывались ландшафт, климат, полезные ископаемые, флора и фауна региона. Особо подчеркивался тот факт, что в области находилось крупнейшее мировое янтарное месторождение.

В положительном или нейтральном ключе уместно было упоминание крайне ограниченного ряда фигур досоветской истории, в большей степени в силу того, что их известность носила мировой, и потому их можно было легко абстрагировать от собственно кёнигсбергского контекста. В ряду таких легализованных образов прошлого можно назвать имена Иммануила Канта, который позиционировался как немецкий философ-идеалист, оказавший влияние на Маркса и Ленина (именно нахождением у своих стен могилы всемирно известного мыслителя был обязан своему сохранению полуразрушенный Кафедральный собор, которого в ином случае постигла бы судьба Королевского замка, взорванного в конце 1960-х) и Фридриха Шиллера, «немецкого Пушкина», памятник которому сохранился и по

¹⁸ КОСТЯШОВ, Ю. *Изгнание прусского духа...*, с. 4-5.

¹⁹ *Восточная Пруссия глазами советских переселенцев...*, с. 160.

сию пору с довоенных времен (при этом жизнь и творчество Шиллера никак не были связаны с Кёнигсбергом).

На протяжении практически всего советского периода официальный нарратив региональной истории, сформировавшийся в первые послевоенные годы, с базовыми сюжетами войны, самоотверженного труда, восстановления города из руин, плодородия и богатства недр, демонстрировал удивительную стойкость и ригидность.

Были ли его создание и поддержка итогом планомерно проводившегося в жизнь проекта формирования коллективной идентичности новых жителей области? Исследования архивных документов, проведенные историками, показывают, что следы каких-либо дискуссий во властных структурах или разработок особой концепции по отношению к культурно-символическому наследию Восточной Пруссии отсутствуют²⁰.

Власти полагали, что для жизни в новых условиях достаточно минимального набора материальных благ и идеологических клише. Советский человек должен был способен начать новую жизнь «с чистого листа» в любой культурной среде. Сложность возникавших проблем с прошлым склоняла власти к «закрытию немецкой темы». Ю. Костяшов отмечает: «Тотальный запрет на прошлое был хорош тем, что не требовал от государственных и партийных чиновников ни образованности, ни культурной грамотности, ни знания иностранных языков, ни интеллектуальных усилий – все эти качества были в большом дефиците у сталинских кадров»²¹.

Сформировать отношение к немецкому прошлому как чуждому и враждебному для значительной части переселенцев, преимущественно из сельской глубинки Центральной России и Белоруссии, опустошенных в результате боевых действий и нацистской оккупации, казалось бы, не составляло труда. Предполагалось, что новое население, по большей части малообразованное и ожесточенное войной, не будет отличаться особым интересом и вниманием к «фашистскому» наследию. Но, тем не менее, воплотить пропагандистскую цель по созданию «нового социалистического города» на месте «города-трупа» не удалось. Какие же обстоятельства препятствовали формированию гомогенного советского пространства «в самом западном гарнизоне»?

Послевоенный период (1945–1990 гг.): альтернативный дискурс «сохранения наследия»

Как показывают вышеупомянутые исследования группы калининградских историков под руководством Ю.В. Костяшова, отношения советских переселенцев с немецким прошлым были куда сложнее официальных предположений. Вплоть до 1949 года новые мигранты жили бок о бок с немецким «коренным» населением. Культурные практики способствовали распаду единой и цельной идеологической картины немца как врага-фашиста на мозаичные осколки лично окрашенных впечатлений от встреч с жителями Восточной Пруссии. Частью повседневного опыта калининградцев стала и материальная культура Восточной Пруссии. Переселенцы жили в немецких домах, пользовались утварью прежних хозяев, невольно, а иногда и намеренно вникали в организацию сохранившегося хозяйства.

Со временем вид начался и процесс переоценки немецкой архитектуры и у архитекторов. Старый Кёнигсберг становился мерилем нового города. Особенно сильно ситуация начала меняться после смерти Сталина и XX съезда КПСС. Инициатива сохранения памятников

²⁰ КОСТЯШОВ, Ю. *Изгнание прусского духа*, с. 77.

²¹ *Ibid.*, с. 78.

исходила от частных лиц, представителей интеллигенции. Результатом ее стало решение облисполкома 1956 г. «О мероприятиях по учету и сохранению памятников истории, археологии, искусства и архитектуры», которое, среди прочих мер, обязывало нижестоящие организации «не допускать разборки и разрушений» памятников. По оценке историков, это постановление «открыло дорогу для настоящего поворота в отношении к немецким памятникам». Начали выделяться средства на их реставрацию. Появились многочисленные списки памятников, взятых на учет, в которых оказались многие общественные здания, форты и крепости, замки, кирхи, мосты, произведения «прикладного искусства»²².

Центральным событием советских лет, вокруг которого столкнулись соперничающие подходы к довоенному прошлому, стали споры 1960-х гг. о судьбе Королевского замка, с которого в XIII веке началась немецкая история Кёнигсберга. Официальную позицию, поддерживающую разрушение «цитадели милитаризма», оспаривала группа образованных жителей города, которые с помощью публикаций и обращений во властные инстанции разных уровней смогли артикулировать и публично выразить протест против сноса руин замка. С одной стороны, можно считать, что власти одержали победу в этой борьбе, т.к. замок был взорван в 1966 г. С другой стороны, исход борьбы символической был далеко не так однозначен: интеллигенции в итоге постоянной многолетней работы удалось оспорить претендующий на монополию дискурс. Даже исчезнувший физически Королевский замок смог остаться символом города для многих его жителей. Усилия сотрудников музеев и архивов, писателей, учителей и преподавателей высших учебных заведений по сохранению замка повлияли на мировоззрение социально активной части местного сообщества²³.

Значительные урон, нанесенный городу в итоге войны, безусловно, способствовал реализации планов властей по перепланировке города в советском стиле с последующим сносом старых зданий. На месте руин центра выросли пятиэтажки-«хрущевки», в 1970-80-е разнообразие жилых зданий было дополнено девятиэтажными «брежневками». К началу 90-х центр города и значительная часть жилых массивов поражали своей серостью и типичной советскостью, дополненной чертами раннего постсоветского упадка. Но в то же время, несмотря на разрушение цельного облика старого города, Кёнигсберг был осязаем и доступен. За остатками немецкой архитектуры далеко ходить не приходилось: в пределах нынешней городской черты сохранились бывшие пригороды с особняками и виллами в стиле модерн. Советские власти не могли, да и не хотели сносить столь хорошо сохранившийся жилой и административный фонд. Здания красного кирпича, булыжные мостовые, канализационные люки с готическим шрифтом, кованые решетки с затейливым орнаментом, почтовые ящики с вензелями, черепичные крыши, старые почтовые открытки, антикварная посуда, черепичные крыши, артефакты, найденные диггерами, – все это будило воображение и интерес к истории города-фантома, исчезнувшего из сферы публичного²⁴. Загадочное прошлое мифологизировалось в сознании и представлениях калининградцев. Особенно способствовали этому контрасты нового и старого. Прошлое могло быть пущено в дело весьма необычным образом: например, для облицовки постамента памятника Сталину на центральной город-

²² КОСТЯШОВ, Ю. *Изгнание прусского духа*, с. 49.

²³ См. МАТТЕС, Э. *Запрещенное воспоминание...*, с. 98-107; ХОППЕ, Б. «Злой город», или часть собственной истории? Об отношении к немецкой архитектуре в Калининграде после 1945 г. In *Кёнигсберг – Калининград: город, история: сб. науч. ст.* Отв. ред. В. Н. МАСЛОВ. Калининград, 2005, с. 86-90; КОСТЯШОВ, Ю. *Изгнание прусского духа...*, с. 48; КЛЕМШЕВА, М. А. О судьбе Королевского замка (Из документов облгосархива). *Калининградские архивы: Материалы и исследования*, 2000, Вып. 2.

²⁴ См. SEZNEVA, O. 'We have never been German'....

ской площади были использованы мраморные плиты немецких могил, располагавшихся неподалеку. Потом место Сталина на том же постаменте занял Ленин. Памятник простоял до 2005 года, после чего был отправлен на реставрацию. Вождю немецкого пролетариата Эрнсту Тельману выпала более завидная доля: его бюст в уютном сквере на долгие годы сросся с бывшим постаментом Иммануила Канта. Неосознанный *bricolage*²⁵ местных властей, поневоле создававших новый дискурс, побуждал определенные группы жителей к работе по его интерпретированию.

Именно особое отношение к прошлому лежало в основе мотивации объединения калининградцев в прообразы будущих структур гражданского общества, которые институционально оформились в начале 1990-х гг. Коллективное воображаемое обитателей места создавало «альтернативные» истории полузапретного Кёнигсберга, которые были не чем иным, как формами сопротивления доминирующей государственной идеологии. Протест принимал формы иронии и насмешек, которые переиначивали навязанные властями значения символов²⁶.

В более поздние советские времена, несмотря на депортацию немцев и практически полную закрытость области для иностранцев (за исключением связей с польскими соседями, набравшими обороты в 1970-80-х), существовали разнообразные способы контактов с культурами, отличными от советской. Город был крупным портом, калининградские моряки и рыбаки из экспедиций привозили в свои семьи не только импортные товары, но и впечатления из-за другой стороны «железного занавеса». Моряки же сформировали и «теневой» рынок музыкальных западных записей, давший начало особой субкультуре местных интеллектуалов-меломанов. Помимо того, привычными для калининградцев были поездки в географически близкую «Прибалтику», которая не была до конца советизирована. Для многих жителей области, которая не отличалась высоким уровнем «снабжения» продуктами и ширпотребом, поездки, например, в более благополучную в потребительском отношении Литву были тем же, что и «колбасные электрички» из подмосковных регионов в столицу. В то же время, наряду с «колбасным туризмом», процветало и интеллектуально-богемное сибаритствование за чашечками кофе в кофейнях Клайпеды, Каунаса, Вильнюса и Риги, не совсем похожими на предприятия советского общепита. Так или иначе, несмотря на относительную закрытость области, уже в советское время в представлениях многих калининградцев существовали паттерны иных систем социальных отношений и культурных практик, причем не только «высоких», но и вполне обыденных, повседневных, «низких», обусловленных межличностными контактами.

Поэтому к моменту полного открытия области для посещения иностранными гражданами в 1991 г., а затем и появившихся у калининградцев возможностей регулярных поездок за рубеж по упрощенным визовым правилам, прежде всего в Польшу, а также в уже не советскую Литву, существовали уже сформировавшиеся массовые представления о «загранице», в большей степени основанные на личном опыте и рассказах очевидцев, нежели на сугубо пропагандистских мифологемах, единственно доступных жителям многих других регионов России.

Что касается дискурса «войны и Победы», то с годами его эмоциональная интенсивность трагического снижалась, сакральное постепенно переходило в сферу повседневного.

²⁵ Под *bricolage* подразумеваются такие практики, при которых определенная группа знаков вырывается из привычного контекста и помещается в новый, непривычный контекст, создавая при этом новый дискурс. Понятие введено К. Леви-Строссом.

²⁶ SEZNEVA, O. The dual history..., p. 83-85.

Мемориальные памятники-танки стали обыденной частью городского ландшафта, в форте «Дона», местном аналоге поверженного рейхстага, был открыт вполне светский музей янтаря, действующий и поныне. Распределительная плановая экономика с ее постоянным дефицитом подорвала социальный престиж участников войны, которые в силу выделенных им властями льгот в получении некоторых материальных благ, кажущимися по сегодняшним временам ничтожными, зачастую становились объектом неприкрытой зависти со стороны остальных граждан, поставленных в условия жесткой конкуренции за обладание элементарными потребительскими товарами. Таким образом, образ военного прошлого в массовом восприятии оказывался слишком сильно встроенным в обыденное. Переплетаясь с повседневным и исчезая в нем, сакральное растрчивало свой функциональный потенциал интегрирующего начала.

Как отмечает О.Сезнева, Калининград служит прекрасной иллюстрацией тезиса о том, что социальное пространство представляет собой продукт социальных отношений. Случай Калининграда – это история конфликта между репрезентациями места как созданного «с чистого листа» и как результата усилий по творческой переработке доставшегося наследия. Навязанное исключение Кёнигсберга из исторического дискурса Калининграда было направлено на полную субординацию места в системе связей «центр»/«периферия» и низводила регион к статусу обычной провинциальной советской области. Калининграду было отказано в праве иметь «собственное лицо». Такая политика вступила в противоречие с местными интересами и, более того, способствовала их формулированию и публичной артикуляции. Переселенцы и их потомки должны были существовать между двумя историческими нарративами и выработать свои собственные отношения с ними. Нарративы существовали в материальном контексте, пусть исчезавшем или намеренно разрушавшемся, но непременно оставлявшем след в мировосприятии и самоопределении жителей. Сохранение прошлого в коллективной памяти было, по сути, важнейшим политическим актом, значение которого невозможно недооценить²⁷. Этот политический опыт во многом помогает понять нынешнюю социально-политическую реальность региона и проанализировать использование категории региональной идентичности в современном политическом контексте.

Анализ периода 1990-2000-х годов, сделанный в других работах автора²⁸, обнаружил, что культурно-символическая среда обитания остается существенным фактором в процессах коллективной идентификации калининградцев. В постсоветский период дискуссии о формировании образа калининградцев как группы, вместе с отрицанием или подтверждением «калининградской личности» «внешними экспертами», стали важной частью политико-коммуникативного регионального процесса. С начала 2000-х гг. калининградцы стали объектом повышенного внимания со стороны центра, направленного на «укрепление лояльности» по отношению к российской государственности и «возрождению российского патриотизма». Ряд российских политических акторов, опасаясь «латентного сепаратизма», проводит ряд мер по

²⁷ SEZNEVA, O. The dual history..., p. 85.

²⁸ KARPENKO, A. Social Identity and Regionalisation: The Case of Kaliningrad. In *Adapting to Integration in Europe? In Kaliningrad between Russia and the European Union*. Eds. S. GAENZLE, G. MUMENTEL and E. VINOKUROV. Manchester, 2008; КАРПЕНКО, А. М. Калининградская региональная идентичность как категория политической практики. In *Россия и объединяющаяся Европа: перспективы сотрудничества*. Под ред. В. П. ФЕДОРОВА (отв. ред.), О. Ю. ПОТЕМКИНОЙ, Н. Б. КОНДРАТЬЕВОЙ. Москва, 2007.

«смещению вектора мироощущения калининградцев с европейского на российский»²⁹. Эти действия добавили дискуссии об идентичности новое измерение. Рассмотренные современные дискурсивные стратегии равноуровневых политических акторов по-разному интерпретируют историю области. Вытеснение соперничающих нарративов в символическом политическом поле происходит с помощью применения различных дискурсивных приемов. Анализ этих инструментов показал, что успех подобной борьбы зависит от умения использовать «оружие противника». Политика «символического насилия» мобилизует опыт сопротивления гомогенизации пространства, приобретенный калининградцами в советский период. И в то же время, умелое использование элементов дискурса-«гегемона» оппозицией может оказаться весьма эффективным в целях увеличения собственного потенциала «символического влияния» и перераспределения «векторов сил» в политическом поле³⁰.

Заключение

Категории власти, места и идентичности являются взаимно конституирующими, динамично-интерактивными. Это не нечто изначально заданное. Регион и идентичность представляют собой нарративы, которые постоянно оспариваются, пересказываются и воплощаются в жизнь.

Можно заключить, что региональная идентичность в политическом анализе может быть исследована посредством раскрытия механизмов институционализации нарративов коллективной памяти и представлений о будущем региона. Это дает возможность реконструировать социально-политический контекст и выявить дифференцированные дискурсивные стратегии региональных политических акторов в борьбе за переопределение отношений в системе «центр-периферия».

Практики существования между двумя историческими нарративами – официальным дискурсом строительства «новой советской области» на месте, освобожденном от «чуждого» прошлого, и вытесненным из официально легитимированного публичного пространства, но от этого не менее реальным по своему влиянию, дискурсом «культурного наследия» - оказали непосредственное влияние на выработку калининградцами коллективной памяти. Такие репрезентации «воображаемого прошлого» места часто оказывались в оппозиции навязанному статусу «обычной советской области».

Подобное переключение внимания от статического понятия региона к динамичным контекстуально зависимым процессам дает возможность анализировать взаимосвязь «чувства места» и характера «низовой» социально-политической активности жителей региона, что является хорошим исходным пунктом для политологических исследований современной ситуации.

Список использованных исследований:

Als Russe in Ostpreussen. Sowjetische Umsiedler über ihren Neubeginn in Königsberg / Kaliningrad nach 1945. Hrsg. von E. MATTHES. Ostfildern, 1999 (2. Aufl.: Bietingheim-Bissingen, 2002).
BRODERSEN, P. *Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde.* Göttingen, 2008.

²⁹ ЧЕРНЫШОВА, Г. Концепция 750-летия определена. Газета «Гражданин», 23 сентября 2004, № 075-076. Internet page http://www.prazdnikinfo.ru/5/21/i21_11230.htm [connection time – 2011 05 18].

³⁰ КАРПЕНКО, А. Репрезентации прошлого в поле политики: Кёнигсберг в Калининграде. Информационно-аналитический портал «Евразийский дом», 2008, 1 апр. Internet page: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1492> [connection time – 2011 05 18].

- BROWNING, C.S. The Region-Building Approach Revisited: The Continuing Othering of Russia in Discourses of Region-Building in the European North. *Geopolitics*, 2003, vol. 8, no. 1, p. 45–71.
- BROWNING, C. S., JOENNIEMI, P. The Identity of Kaliningrad: Russian, European or a Third Space? In *The Baltic Sea Region in the European Union: Reflections on Identity, Soft-Security and Marginality*. Ed. F. TASSINARI. Berlin, 2003.
- BROWNING, C. S., JOENNIEMI, P. Contending Discourses on Marginality: The Case of Kaliningrad. *Geopolitics*. 2004, vol. 9, no. 3, p. 699-730.
- BRUBAKER, R. *Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge, 1996.
- BRUBAKER, R., COOPER, F. Beyond Identity. *Theory and Society*, 2000, Vol. 29, No. 1.
- HOPPE, B. *Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946–1970* (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte; Bd. 80). München, 2000.
- KARPENKO, A. Social Identity and Regionalisation: The Case of Kaliningrad. In *Adapting to Integration in Europe? In Kaliningrad between Russia and the European Union*. Eds. S. GAENZLE, G. MUELTEL and E. VINOKUROV. Manchester, 2008.
- KOSSERT, A. *Kalte Heimat. Die Geschichte der deutschen Vertriebenen nach 1945*. 3. Aufl. München, 2008.
- KOSTJASCHOW, J. Am Schnittpunkt dreier Welten. Ostpreußen: Zankapfel der Völker. In *Als die Deutschen weg waren*. 2. Aufl. Rowolt Taschenbuch Verlag, 2007.
- KOSTJASZOW, J. Propaganda ideologiczna w okresie późnego stalinizmu. In *Echa przeszłości*. T. IV, Olsztyn, 2003, s. 182-185.
- MAKARYCHEV, A. S. Contours of Regional Identity: Testing Constructivism on Kaliningrad's Ground. *The Journal of Eurasian Research*. 2003, Vol. 2, no. 1.
- MATTHES, E. Späte Opfer. Zur Aussiedlung der Deutschen aus dem Gebiet Kaliningrad 1947–1948. *Deutschland Archiv*, 2007, Vol. 40, H. 5.
- MATTHES, E. *Verbotene Erinnerung: Die Wiederentdeckung der ostpreußischen Geschichte und regionales Bewußtsein der russischen Bevölkerung im Gebiet Kaliningrad 1945–2001*. Bietingheim-Bissingen, 2002.
- ROSE, M. The seductions of resistance: power, politics, and a performative style of systems. *Environment and Planning, D: Society and Space*, 2002, Vol. 20 (4).
- SEZNEVA, O. 'We have never been German': The Economy of Digging in Russian Kaliningrad. In *Practising Culture*. Eds. C. CALHOUN, R. SENNET. London, New York, 2006.
- SEZNEVA, O. The dual history: politics of the past in Kaliningrad, former Koenigsberg. In *Composing urban histories and the construction of civic identities*. Eds. J. CZAPLICKA and B. RUBLE. John Hopkins University Press and Woodrow Wilson Center Press, 2003.
- WÖRSTER, P. Das Nördliche Ostpreußen nach 1945 – Politisches und kulturelles Leben. *Dokumentation Ostmitteleuropa*, 1979, vol. 5, h. 1/2.
- WÖRSTER, P. Das Nördliche Ostpreußen nach 1945 – Verwaltung, Bevölkerung, Wirtschaft. *Dokumentation Ostmitteleuropa*, 1978, vol. 4, h. 1.
- АНДЕРСОН, Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва, 2000.
- БАРТ, Ф (ред.). *Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий*. Москва, 2006.
- БЕРГЕР, П., ЛУКМАН, Т. *Социальное конструирование реальности*. Москва, 1995.
- БУРДЬЕ, П. Социальное пространство и генезис «классов». In БУРДЬЕ, П. *Социология политики*. Москва, 1993.
- БУРДЬЕ, П. *Социология политики*. Москва, 1993.
- Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах*. Ред. Ю. В. КОСТЯШОВ. Санкт-Петербург, 2002.
- КАРПЕНКО, А. М. Калининградская региональная идентичность как категория политической практики. In *Россия и объединяющаяся Европа: перспективы сотрудничества*. Под ред. В. П. ФЕДОРОВА (отв. ред.), О. Ю. ПОТЕМКИНОЙ, Н. Б. КОНДРАТЬЕВОЙ. Москва, 2007.
- КАРПЕНКО, А. Репрезентации прошлого в поле политики: Кёнигсберг в Калининграде. Информационно-аналитический портал «Евразийский дом», 2008, 1 апр. Internet page <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1492> [connection time – 2011 05 18].
- КЛЕМШЕВА, М. А. О судьбе Королевского замка (Из документов облгосархива). *Калининградские архивы: Материалы и исследования*, 2000, Вып. 2.
- КОСТЯШОВ, Ю. Изгнание прусского духа. Как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы. In Ю. КОСТЯШОВ, Э. МАТТЕС. *Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание*. Калининград, 2003, с. 81–150.
- МАКАРЬЧЕВ, А. С. «Мягкий» и «жесткий» регионализм: калининградские контуры. *Космополис*, 2002/2003, № 2.

- МАЛАХОВ, В. Проблема идентичности в постсоветском контексте [1998]. In МАЛАХОВ, В. *Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме*. Москва, 2007.
- МАТТЕС, Э. Запрещенное воспоминание: Возвращение истории Восточной Пруссии и региональное сознание жителей Калининградской области (1945–2001). In Ю. КОСТЯШОВ, Э. МАТТЕС. *Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание*. Калининград, 2003, с. 81–150.
- МАТТЕС, Э. Проблема образования Калининградской области в немецкой историографии: обзор. In *Балтийский регион в международных отношениях в новое и новейшее время: материалы международной научной конференции, 10–11 октября 2003 г., Калининград*. Ред. В. В. СЕРГЕЕВ. Калининград, 2004, с. 195–206.
- НОЙМАНН, И. Создание регионов: Северная Европа. In НОЙМАНН, И. *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. Москва, 2004.
- СЕРГУНИН, А. Регионализация в регионе Балтийского моря: восприятие российских элит. In *Региональное измерение российско-балтийских отношений*. Под ред. Л. КАРАБЕШКИНА. Санкт-Петербург, 2004.
- ХОППЕ, Б. «Злой город», или часть собственной истории? Об отношении к немецкой архитектуре в Калининграде после 1945 г. In *Кёнигсберг – Калининград: город, история: сб. науч. ст. Отв. ред. В. Н. МАСЛОВ*. Калининград, 2005, с. 86-90.
- ЧЕРНЫШОВА, Г. Концепция 750-летия определена. Газета «Гражданин», 23 сентября 2004, № 075-076. Internet page http://www.prazdnikinfo.ru/5/21/i21_11230.htm [connection time – 2011 05 18].

„ATMINTIES VIETA“ POLITINĖJE PERSPEKTYVOJE: KALININGRADO SRITIES ATVEJIS

Anna Karpenko
Kaliningradas, Rusija

S a n t r a u k a

Šis straipsnis analizuoja regioninio identiteto ir kolektyvinės atminties institucionalizavimą kaip vieną iš svarbiausių Kaliningrado regiono identiteto konstravimo elementų. Po 1945 metų skirtingos regiono praeities reprezentacijos buvo vystomos ir įtvirtinamos įvairių politinių veikėjų. Dabartinė regiono politika yra suformuota remiantis sovietinės praeities įtaka. Pasirinktas atvejo tyrimas paremtas esminiais elementais simbolinės strategijos, kurią suformavo sovietinio periodo pabaigos valdžios veikėjai. Tai rodo tokių strategijų, reprezentuotų viešajame diskurse, sėkmės mastą.

Žvelgiant iš metodologinio taško, regioninis identitetas gali būti traktuojamas kaip svarbus šių valdžios veikėjų šaltinis, didinantis jų įtaką ir legitimumą. Identifikavimasis su regionu, konstruojamu remiantis laiko ir vietos kategorijomis, gali padėti mobilizuoti dideles visuomenės grupes. Konvenciniai valdžios veikėjai stengėsi transliuoti pagrindinius savos istorijos versijos elementus per institucinį tinklą: švietimo programas, kolektyvinius ritualus, paminklus, filmus, masinės informacijos priemones, turizmą ir kt. Šis institucionalizavimas realizuojamas įtvirtinant simbolius kasdienėje praktikoje. Vienos ar kitos strategijos sėkmė didžiąja dalimi priklauso nuo to, kaip minėtos vizijos yra suvokiamos ir praktikuojamos paprastų žmonių. Tuo pat metu marginaliniai politiniai žaidėjai gali naudoti įvairius simbolinius elementus, siekdami kurti savas regiono praeities versijas. Oficiali regiono praeities versija, kuriama „iš apačios ir iš viršaus“, gali būti restruktūrizuota, rekonfigūruota ir perrašyta „iš apačios į viršų“. Ne tokie tradiciniai veikėjai taip pat gali žaisti remdamiesi kūrybiškumu ir vaizduote. Sėkmės laipsnis priklauso nuo tinklų, kurie remia naują mitologiją identiteto konstravimo konkurencijoje.

Straipsnyje remiamasi ankstesniais Kaliningrado atminties tyrimų autoriais, tokiais kaip Jurijus Kostiašovas, Eckhardas Matthes, Peteris Wörsteris, Peras Brodersenas, Bertas Hoppe, Olga Sezneva, Christopheris Browningas, Pertti Joenniemi, Andreasas Kossertas ir kt. Kaliningrado atvejį kviečia į tarpdisciplininį tyrimą tikraja to žodžio prasme. Aukščiau minėtuose darbuose buvo taikyti ir įkomponuoti istorijos, sociologijos, socialinės antropologijos, tarptautinių ryšių metodai. Šis tyrimas apima socialinių mokslų metodus, akcentuojant diskursinę ir institucinę analizę.

Kai buvęs Kenigsbergas su naujomis teritorijomis buvo priskirtas 1945 m. Sovietų Sąjungai, sovietų valdžia surado naujos teritorijos legitimacijos būdų, priimtinių naujesiems gyventojams. „Racionali“ legali prielaida, kurią suformavo Potsdamo sprendimai, turėjo būti paremta kažkokiu kitu pagrindu, kuris emociškai įteisintų naujosios valdžios ir gyventojų buvimą ankstesnėje Vokietijos teritorijoje. Naujas istorinis atskaitos taškas buvo rastas Antrojo pasaulinio karo pabaigoje. Raudonosios armijos praradimai ir Sovietų Sąjungos aukos buvo pateikta kaip pagrindinė priežastis įteisinant naują priklausomybės tai žemei jausmą. Ankstesnioji Rytų Prūsijos istorija buvo naudojama kaip priešas, kuris galiausiai buvo nugalėtas Antrojo pasaulinio karo pabaigoje, kontravimo šaltinis. Prieškarinės istorijos diskursas taip pat akcentavo rusų buvimą šioje teritorijoje momentus. Griežta institucinė sistema parėmė simbolinės karo ir taikos strategijos esminius momentus. Ta strategija apėmė nuolat atgaminamus kolektyvinius ritualus, susijusius su tam tikromis atmintinomis datomis, paminklais, muziejais ir memorialais, prisiminimais, filmais, dainomis ir spaudos žinutėmis, skirtomis praėjusio karo herojams išaukštinti. Didžiojo Tėvynės karo įvykiams pagerbti pokarinėje švietimo sistemoje buvo skiriama daugiausia dėmesio. Karo naratyvas sudarė pagrindinę turizmo po regioną vadovų tematiką. Tik kelios prieškarinės praeities figūros, tokios kaip Imanuelis Kantas ar Friedrichas Šileris, buvo minimos pozityviai. Naujų gyventojų naratyvai, užrašyti įgyvendinant žodinės istorijos projektą, vadovaujamą Jurijaus Kostiašovo, įrodo, kad oficialus diskursas buvo labai įtaigus. Pagrindiniai elementai plačiai naudoti taip pat ir įvairių politinių veikėjų postsovietiniu laikotarpiu. „Mūsų pergalė“ išliko kaip vienas svarbiausių elementų, konstruojančių regiono identitetą.

Oficialus „karo ir pergalės“ diskursas suponuoja nuomonę, kad Antrojo pasaulinio karo pabaiga ir vokiečių buvimas kaip rusiškos (sovietinės) istorijos pradinis taškas gali sukurti antagonistinį požiūrį į vokiečių praeitį. Praeities pasisavinimo praktika buvo vis kompleksiškesnė ir daugiaveidiškesnė. Pokarinių metų istoriniai tyrimai, vykdyti tokių autorių kaip Kostiašovas, Matthes, Brodersenas, įrodo, kad tokie veiksniai kaip koegzistavimas su vokiečių gyventojais iki pat 5-ojo dešimtmečio pabaigos, būtinybė priimti senąją kultūrą, gamtinį ir architektūrinį kraštovaizdį kasdienėje praktikoje, smalsumas, „svetimos“ kultūros artefaktas stipriai veikė naujų gyventojų besikeičiantį požiūrį. Vėliau, 7-ajame dešimtmetyje, diskursas, susijęs su vokiška praeitimi, kultūros ir istorijos paveldu, buvo sustiprintas inteligentijos atstovų, pakilusių į kovą prieš Kenigsbergo pilies sunaikinimą (Hoppe). „Uždraustas miestas“ iš naujo iškilo įvairiuose archeologiniuose radiniuose ir buvo atkurtas naujojoje mitologijoje bei miesto legendose. Koegzistavimo su išnykusiu kartų pėdsakais kontekstas ir jų paveldas buvo daugiadimensinis. 10-ojo dešimtmečio pradžioje atsargus dėmesys prieškarinei istorijai nustojo būti nelegalus oficialiajame lygmenyje. Strategijos, kurios atribojo marginalus per sovietinį laikotarpį, tapo oficialaus diskurso dalimi. Šie procesai sudarė prielaidą oficialiai švęsti Kenigsbergo 750-ies metų jubiliejų. Politiniame lygmenyje vokiškosios istorijos priėmimas yra glaudžiai susijęs su proeuropinės orientacijos tikslais ir kooperacija su Europos Sąjunga.

Po 2000 m. pagrindiniai simbolinės strategijos elementai, išvystyti per sovietmetį, toliau vaidino svarbų vaidmenį politikos scenoje. Dabarties politinėje ir socialinėje analizėje prasminga suvokti jų kompleksškumą ir istorinį kontekstą.

“THE PLACE OF MEMORY” FROM THE PERSPECTIVE OF POLITICIS: THE CASE OF KALININGRAD

Anna Karpenko
Kaliningrad, Russia

S u m m a r y

The article analyses the mechanisms of institutionalization of regional identity and collective memory as one of the crucial elements in identity-building in the Kaliningrad region. Since 1945, different representations of the regional past have been developed and promoted by different political actors. The contemporary regional politics has been shaped under the crucial influence of the Soviet past. The case study summons up the key elements of symbolic strategies employed by the power actors up to the end of the Soviet period. It also estimates the degree of success of such strategies represented in public discourse.

From the methodological point of view, regional identity can be considered as an important resource for power actors to increase their influence and legitimacy. The identification with a region constructed as rooted in time and place can help in mobilization of larger groups of the population. The conventional power actors strive to translate the key elements of their versions of history through a network of institutions, such as educational programs, collective rituals, monuments, film and media industry, tourism, etc. The institutionalization is designed to anchor the symbols into the daily practice. The success of one or another strategy is largely dependent on how those visions are perceived and practiced by ordinary people. At the same time, the marginal political players can also use those symbolic instruments in order to create their own versions of the region’s past. The official top-down versions can be restructured, re-configured and re-narrated from the bottom-up. The less conventional actors can also play upon creativity and imagination. The degree of success will depend on networking which supports a new mythology in the identity-building contest.

The study uses the findings of the previous scholarship on the Kaliningrad memory - and identity-building by such authors as Yuri Kostyashov, Eckhard Matthes, Peter Wörster, Per Brodersen, Bert Hoppe, Olga Sezneva, Christopher Browning, Pertti Joenniemi, Andreas Kossert and some others. The case of Kaliningrad invites an interdisciplinary approach in a true sense. In the above mentioned works, the methods from history, sociology, social anthropology, cultural studies and international relations have been employed and intertwined. The current study combines different methods from social sciences with the main emphasis on discursive and institutional analysis.

When the former Königsberg and adjacent territories were transferred to the Soviet Union in 1945, the Soviet authorities had to find sources of legitimacy of the new lands in the eyes of new settlers. The ‘rational’ legal premises which followed from the Potsdam decisions had to be supported by some other grounds which would ‘emotionally’ justify the presence of the new authorities and population on the former German territory. The new historical point zero was supposed

to be found in the end of the World War. The losses of the Red Army and the sacrifices of the Soviet Union during the war were constructed as the main reason for justifying the new sense of belonging. The former history of East Prussia was used as a source of continuous construction of the enemy figure, which was finally defeated during the WWII. The discourse of pre-war history also stressed the moments of the Russian presence on this territory. The strong institutional system supported the key elements of the 'war and victory' symbolic strategy. It included repeatedly reproduced collective rituals during the special memory dates, erection of monuments, museums and memorials devoted to the heroes of the past war, fiction and memoir literature, films, songs and media messages. The honoring of the events of the Great Patriotic War was one of the main focuses for the post-war school system. The narrative of the war was a key part of guided tours through the region. Only a few figures of the pre-war past such as Immanuel Kant and Friedrich Schiller were mentioned positively. The narratives of the new settlers which were collected in the oral history project led by Jury Kostyashov prove that the official discourse was highly suggestive. Its main elements have been also widely used by various political actors throughout the post-Soviet period. 'Our victory' remains one of the most important elements in building regional identity.

The official 'war and victory' discourse pre-supposed that identifying the end of the WWII and German presence as the starting point of Russian (Soviet) history would create an antagonistic attitude towards the German past as such. Yet the practices of appropriation of the past were much more complex and many-faceted. The historical research of the first years of Soviet presence (Kostyashov, Matthes, Brodersen) proves that some factors, such as co-existence with the German population up to the end of the 1940s, the necessity of appropriation of the former cultural, natural, and architectural landscapes in everyday practices, curiosity towards the artifacts of 'other' cultures were highly influential onto the shaping of special reflective and practical attitudes of the new inhabitants. Later in the 1960s, the discourse treating the German past as a 'cultural and historical heritage' was strengthened by representatives of the intelligentsia during the struggle against the demolition of the Königsberg Castle (Hoppe). The "forbidden city" re-appeared in the findings of diggers (Sezneva) and was re-created in the new mythology and urban legends. The context of co-existence with the traces of disappeared generations and their heritage was multi-dimensional. With the beginning of the 1990s, careful consideration of the pre-war history ceased to be illegitimate on the official level. The strategies which had been confined to the margins during Soviet times became a part of official discourse. Such processes led to the official celebration of the 750th anniversary of Königsberg-Kaliningrad. On the political level, the appropriation of the German history is closely related to the 'pro-European' orientation aimed at the cooperation with the European Union.

During the 2000s, key elements of the symbolic strategies developed during the Soviet times continue to play an important part on the political stage. In a political and social analysis of the present, it is essential to take into account their complexity and historical context.

„ERINNERUNGsort“ AUS DER POLITIKPERSPEKTIVE: DER FALL VON KALININGRAD

Anna Karpenko
Kaliningrad, Rußland

Zusammenfassung

In dem Beitrag wird das Institutionalisieren der Regionalidentität und des Kollektivgedächtnisses als eines der Hauptelemente bei der Gestaltung der Identität der Region Kaliningrad behandelt. Nach 1945 wurden von unterschiedlichen Politikern diverse Repräsentierungen der Region entwickelt und etabliert. Die aktuelle Politik der Region ist unter dem Einfluss der sowjetischen Vergangenheit geprägt worden. Die Forschung des vorliegenden Falles stützt sich auf die Hauptelemente der Symbolstrategie, die von den Machthabenden der späten sowjetischen Periode gestaltet ist. Es wird ebenfalls gezeigt, wie erfolgreich diese Strategien im öffentlichen Diskurs sind.

Aus der methodologischen Sicht kann die Regionalidentität als eine wichtige Ressource für Machtausübende gesehen werden, die ihren Einfluss und Legitimation steigern kann. Das Identifizieren mit einer Region in Bezug auf Zeit und Ort kann zum Mobilisieren größeren Bevölkerungsgruppen beitragen. Die Machtausübenden setzten das gesamte verfügbare institutionelle Netzwerk ein, um die Schlüsselpunkte ihrer Geschichtsfassung zu vermitteln: Bildungsprogramme, kollektive Riten, Monumente, Kino- und Medienindustrie, Tourismus usw. Das Institutionalisieren ist notwendig, um die Symbole im Alltag zu verankern. Der Erfolg einer Strategie hängt wesentlich davon ab, inwiefern eine bestimmte Vision von der Bevölkerung wahrgenommen und praktiziert wird. Gleichzeitig können diese instrumentalisierten Symbole von Marginalpolitikern eingesetzt werden, um ihre eigene Fassung der Regionsvergangenheit zu entwerfen. Der offizielle Überbau-Ansatz kann vom Basis-Ansatz umstrukturiert, umkonfiguriert, und umgeschrieben werden. Dabei können die unkonventionellen Akteure mit Kreativität und Vorstellungsvermögen spielen. Der Erfolg wird von den Netzwerken abhängen, die die neue Mythologie im Wettbewerb der Identitätsgestaltung unterstützen.

Die Forschung ist auf die Ergebnisse der veröffentlichten Studien von Yuri Kostyashov, Eckhard Matthes, Peter Wörster, Per Brodersen, Bert Hoppe, Olga Sezneva, Christopher Browning, Pertti Joenniemi, Andreas Kossert und anderen zur Gestaltung des Kaliningrad-Gedächtnisses und der Kaliningrad-Identität aufgebaut. Der Fall Kaliningrad verlangt buchstäblich nach einem interdisziplinären Ansatz. In den erwähnten Studien wurden Methoden der Geschichte, Soziologie, Sozialanthropologie, Kulturwissenschaft und internationalen Beziehungen verwendet oder eingefügt. Die vorliegende Forschung umfasst verschiedene sozialwissenschaftlichen Methoden, wobei der Schwerpunkt auf der Diskursanalyse und der institutionellen Analyse liegt.

Als 1945 Königsberg und umliegende Gebiete an die Sowjetunion übergingen, mussten die sowjetischen Behörden das neue Gebiet in den Augen der Neusiedler rechtfertigen. Die „rationale“ rechtliche Prämisse, die aus der Potsdamer Entscheidung hervorging, musste von anderen Gründen unterstützt werden, die auf emotionaler Ebene die Präsenz der neuen Macht und der neuen Bevölkerung auf deutschem Boden rechtfertigen konnten. Zum neuen historischen Ausgangspunkt war das Ende des Weltkrieges ausgesucht. Die Verluste der Roten Armee, die Opfer, die die Sowjetunion im Krieg bringen musste, wurden zum Hauptgrund, der die neue Zugehörigkeit rechtfertigte. Die Geschichte von Ostpreußen wurde zum Ansatz für die weitere Gestaltung der Feindfigur, die

dann im Zweiten Weltkrieg endgültig geschlagen wurde. Der Diskurs der Vorkriegsgeschichte unterstrich auch die Momente der Anwesenheit der Russen auf dem Gebiet. Die Schlüsselemente dieser Strategie von „Krieg und Sieg“ wurden von einem strengen institutionellen System unterstützt. Sie umfasste die an Gedenktagen regelmäßig begangenen kollektiven Riten, das Errichten von Monumenten, Museen und Gedenkstätten den Helden des Krieges, schöngeistige Literatur und Memoiren, Filme, Lieder, Sendungen in Medien. Das Gedenken der Ereignisse des Großen vaterländischen Krieges gehörte zu den Schwerpunkten im Bildungsprogramm der Nachkriegszeit. Der Kriegs-Narrativ prägte die touristischen Routen der Region. Lediglich einige Namen aus der Vorkriegszeit, wie etwa Immanuel Kant oder Friedrich Schiller, konnten positiv besetzt werden. Die Narrative der Neusiedler, die im Rahmen des Projektes der Oral History unter der Leitung von Jury Kostjakow gesammelt wurden, bezeugen, dass der offizielle Diskurs äußerst suggestiv war. Auch in der postsowjetischen Periode bedienten sich mehrere Politiker seiner Hauptelemente. „Unser Sieg“ gehört bei der Gestaltung der Regionalidentität nach wie vor zu den wichtigsten Elementen.

Der offizielle Diskurs von „Krieg und Sieg“ hat bewirkt, dass die feindliche Betrachtung der deutschen Geschichte durch den Ausgangspunkt der russischen (sowjetischen) Geschichte – das Ende des Krieges und der deutschen Präsenz – prädisponiert war. Die Praxis der Aneignung der Vergangenheit war jedoch viel komplizierter und vielseitiger. Das historische Erforschen der ersten Jahren der Sowjetpräsenz (Kostyashov, Matthes, Brodersen) bestätigte, dass die Einstellung und

Reflexion der neuen Bewohnern sehr stark von Faktoren wie dem Nebeneinander mit der deutschen Bevölkerung bis zum Ende der 1940er, der Notwendigkeit, sich mit den einstigen kulturellen, Natur- und Architekturlandschaften im Alltagsleben abzufinden und der Neugier über Gegenstände der „fremden“ Kulturen beeinflusst war. Späten, in den 1960er Jahren, war der Diskurs, bei dem die deutsche Vergangenheit als „das kulturelle und historische Erbe“ betrachtet wurde, von den Intellektuellen während der Kampagne gegen die Zerstörung des Königsberger Schlosses unterstützt (Hoppe). „Die verbotene Stadt“ tauchte in den Ausgrabungen auf (Sezneva) und wurde in der neuen Mythologie und Stadtlegenden wieder belebt. Der Hintergrund des Nebeneinanders mit den Spuren der verschwundenen Generation und ihr Nachlass war multidimensional. Anfang der 1990er Jahre war die Rücksicht auf die Geschichte vor dem Krieg auf der öffentlichen Ebene erlaubt. Die Strategien, die während der Sowjetzeit lediglich marginal vorkommen durften, wurden zum Teil des offiziellen Diskurses. Diese Prozesse führten zu offiziellen Feierlichkeiten des 750. Jubiläums von Königsberg-Kaliningrad. Auf der politischen Ebene ist die Akzeptanz der deutschen Geschichte eng mit der pro-europäischen Orientierung verbunden, deren Ziel die Zusammenarbeit mit der EU ist.

Zu Beginn des neuen Jahrtausends spielen auf der politischen Bühne die Hauptelemente der in der Sowjetzeit entwickelten Symbolstrategie weiterhin eine wichtige Rolle. Bei der politischen und sozialen Analyse der Gegenwart ist es unentbehrlich, ihre Komplexität und ihren historischen Hintergrund zu berücksichtigen.